

Наш человек из Паневежиса

Донатас Банионис по-прежнему считает себя рядовым артистом

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Донатас Банионис, актер с мировым именем, более пятидесяти лет прожил в небольшом литовском городке Паневежисе. Пока был жив его учитель Юозас Мильтинис, неизменно возвращался из затяжных кинематографических странствий в свой родной театр, в свой родной дом. После смерти Мильтиниса сам ненадолго возглавил труппу. Но скоро понял: режиссура – не его удел. Да и некогда знаменитый Паневежский театр нынче уже не тот. И Донатас Юозович принял не легкое для себя решение оставить Паневежис. В последние годы актер живет в Вильнюсе – переехал поближе к младшему сыну Раймондасу, работающему на литовском телевидении. Но встретились с ним мы не в Литве, а в Москве, где актер часто бывает по своим творческим делам.

Марьяна Петрова
Журналист

Знаменитый артист бежал от советской власти на Запад, затем стал лауреатом, орденосцем и не стыдится своих наград

се – переехал поближе к младшему сыну Раймондасу, работающему на литовском телевидении. Но встретились с ним мы не в Литве, а в Москве, где актер часто бывает по своим творческим делам.

– В свое время, я знаю, вашу труппу и коллективно, и поодиночке приглашали осесть в Москве...

– Да, было такое. Считаю, что поступил правильно, не приняв ни одно из подобных предложений. Я литовец и должен жить в Литве. В сегодняшней Москве мне было бы неуютно: слишком шумно, слишком много пробок на улицах. По уровню цивилизованности Литва сегодня ближе к европейским стандартам, чем Россия.

– У России с Литвой отношения сегодня далеко не безоблачные. А ведь вы, Донатас Юозович, все свои звания, награды, премии получали от советской власти. Подозреваю, в Литве такое не прощается и поныне...

– Знаете, нет. Я не ощущал и не ощущаю на себе никаких притеснений, гонений, хотя в старое время награды мне давали, и я их, грешный, принимал. Принимал, принимал, не отказываясь. Делать сегодня вид, что я ими брезговал, было бы нечестно. Другое

дело, что я ими и не щеголял. Ни одного ордена не пристегнул к своему пиджаку. Мне казалось, что если я пройду при полном параде по улицам своего родного Паневежиса, то буду выглядеть смешным, вызову всеобщую неловкость. А кроме того, я никогда не страдал завышенной самооценкой. Я всегда считал себя рядовым, дюжинным артистом, соответствующим образом вел себя в театре, на публике. Может, поэтому награды, полученные мною от прежней власти, не оттолкнули от меня людей.

– И все же, какие у вас были взаимоотношения с прежним режимом? Сегодня прочтешь воспоминания инного вполне обласканного прежней властью художника, а он, оказывается, был в душе диссидентом...

– Лично я старался держаться от политики подальше. Потому что дело политиков, как это ни прискорбно, – зачастую всего лишь искусно обманывать людей, а дело художника – говорить правду, выражать человеческую боль и надежду. И в этом смысле политики и художники – едва ли не вечные антагонисты. Сколько раз античеловечные режимы, будь то фашизм, сталинизм, соблазняли творцов всевозможными красивыми лозунгами, обещанием рая на земле, а потом все оборачивалось трагедией. Трагедией народов и трагедией художников, доверившихся власти.

Политики всегда озабочены, чтобы в их свите находились популярные фигуры, узнаваемые лица. Иным творцам тоже порой бывает лестно пофигурить рядом с властью имущими. Но потом звучит призыв рассределять парламент, брать «Останкино» – и тень вины (пусть и невольной) за происшедшее ложится и на тех тщеславных творцов. Нет уж, лучше заниматься своим прямым делом – искусством, оно не обманывает.

– Но многие ваши коллеги считают иначе...

– Как правило, это люди невысокого творческого полета. А те, кто чувствует ниспосланную им от Бога задачу, в прямую политику не лезут. Вы скажете, а как же Мстислав Ростропович, который прилетает в Россию при первых признаках политической бури? Что ж, его позиция вызывает у меня

Донатас Банионис был за развод с СССР, но никогда не кричал на митингах «Долой русских!»
ФОТО ИТАР-ТАСС

симпатию. Но, восхищаясь им, я все же внутренне ориентируюсь на художников, которые ведут себя иначе. Вот Юстинаса Марцинкявичюса, выдающегося литовского поэта, я на трибунах почти не видел. Евгения Лебедева, гениального русского артиста, на баррикадной бочке не заметил ни разу. А вот артисты поменьше и помельче стояли и по правую, и по левую руку сначала от Горбачева, потом от Ельцина, теперь норовят войти в свиту Путина...

При этом я не хочу сказать, что сам я такой уж праведник. Какое там... Ведь пришлось жить и работать в театре при разных режимах. Начиная с 40-м году при советской власти. Потом пришли немцы – театр работал и при них. Потом мы пережили агонию сталинизма, «оттепель», «застой», «перестройку»... Было немало компромиссов, но думаю, наш Паневежский театр в свое время прогрессел на весь Союз потому, что в лучших своих спектаклях старался дистанцироваться от властей, от узко понятной «злобы дня». Не случайно наш лидер Юозас Мильтинис ни в одной партии не состоял и нам не советовал. Что скрывать, я не всегда прилежно усваивал его уроки и потому стал членом КПСС. И хотя, слава богу, идеологической промывкой мозгов никогда не занимал-

ся, но и диссидентом, увы, не был.

– Но насколько я знаю, на первых порах вы активно поддерживали «Саюдис» – довольно радикальное политическое движение...

– Я поддерживал это движение, главной целью которого было отделиться от советской империи, освободиться от коммунистической идеологии, принесшей Литве (как, впрочем, и России) неисчислимые беды. Мой народ никогда не забывал, что в 1940 году советская власть без суда и следствия бросила в Сибирь, в лагеря 40 тысяч литовцев. Я сам в 1944 году вместе со своим другом, поэтом Мачернисом бежал от советской власти на Запад, но удача отвернулась от нас – мой друг погиб, а я вернулся в Паневежис. Словом, суверенность Литвы была утрачена и моим народом, и мною лично. Но, ратуя за цивилизованный политический развод с Советским Союзом, я никогда не кричал на митингах «Долой русских!», более того, я понимал и понимаю, что духовный, человеческий союз между нашими народами сегодня крайне необходим.

Но, впрочем, хватит уже о политике, а то я вот уже целый час только и делаю, что опровергаю сам себя.

– Хорошо, поговорим о кино. В старые времена

вы активно снимались в Москве, Ленинграде, Свердловске, Минске, сегодня, с обретением Литвой независимости, я вас на экране практически не встречаю...

– Я снимаюсь редко не потому, что границы появились, а потому, что из-за экономических проблем кинематограф вымирает как вид искусства. В Литве, где раньше снималось 5–7 больших картин, сейчас государство выделяет такую мизерную сумму, что ее едва хватает на производство полчасовой полудокументальной-полужуровской ленты. В России ситуация иная, но я сегодня там редко бываю нужен. Хотя российские зрители по-прежнему встречают меня очень тепло. Теплее даже, чем в Литве.

– Не жалеете о временах, когда фильмы с вашим участием собирали по 40–50 миллионов зрителей?

– Жалею, конечно, все-таки это был расцвет моего творчества. «Никто не хотел умирать», «Мертвый сезон», «Солярис», «Король Лир», «Бегство мистера Мак-Кинли»... Эти фильмы живы и сегодня, и ничего равноценного на мою долю уже, конечно, не выпадет. А у каких режиссеров я снимался! Тарковский, Жалаквичюс, Швейцер, Кулиш, Козинцев, Калатозов, Конрад Вольф... Сегодня мастеров такого уровня нет. Во всем мире наблюдается упадок кино. «Оскара», вы только подумайте, дают «Титанику», «Гладиатору», это же смешно и печально. Идет опрошение, ополчение всего и вся. Поэтому я совсем не переживаю, что меня сегодня редко снимают. Умножать пошлость не хочется. Но когда зовут в хоть сколько-нибудь интересные проекты – не отказываюсь.

– В вашем возрасте (Банионису перевалило за 80. – М.П.) пора бы подумать и об отдыхе...

– Как и 60 лет назад, меня тянет на сцену, на съемочную площадку. Быть постоянно в работе, в тренинге, в раздумьях об искусстве и жизни – это у меня уже в крови, в генетике. Впрочем, это, наверное, присуще всем творческим людям. Ни с кем себя, разумеется, не сравниваю, но Бетховен, которого, если помните, я сыграл в кино, уже оглох, практически сошел с ума, а все писал свою великую Девятую симфонию. Моцарт в последние месяцы жизни не мог сидеть, только лежал, он и человеком-то уже не был, а продолжал сочинять свои самые светлые мелодии. Так это – гении, которые уже обессмертили свое имя. Что же остается мне, простому актеру? Только одно – работать.

Ратуя за цивилизованный политический развод с Советским Союзом, я никогда не кричал на митингах «Долой русских!»